

РВ
12944

VIII 39
3

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

Государственная
Библиотека
ОСР
ш. В. И. Ленина

н 4656-51

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

№

СРЕДА, 15 НОЯБРЯ 1872 ГОДА.

ПОДАШЕ
МОСК
22
ЕПАРХІАЛЬН
БИБЛИОТЕКА

ПОУЧЕНІЕ

**О ТОМЪ, ЧТО ВРЕМЕНЕМЪ ДОЛЖНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ
БЕРЕЖЛИВО И БЛАГОРАЗУМНО.**

Блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть. (Ефес. 5, 15. 16).

Такое наставленіе касательно осторожнаго и благоразумнаго пользованія временемъ, относительно бережливаго и расчетливаго употребленія его преподалъ нѣкогда Св. Апостоль Павелъ первымъ христіанамъ изъ Ефеса: *Блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть.*

Внимемъ въ дѣло и уяснимъ себѣ, бр., сущность и значеніе сего апостольскаго наставленія: оно назидательно, поучительно само въ себѣ и достойно всего нашего вниманія.

Смотрите, поступайте осторожно, говоритъ Св. Апостоль, не какъ не разумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ; потому что дни лукавы.

Для человѣка, существа свободнаго и разумномыслящаго, время есть высочайшее благо и драгоцѣннѣйшее сокровище: каждую минутою, каждымъ мгновениемъ времени мы можемъ стяжать себѣ любовь Божію, купить и приобрести сокровище благодати Божіей, сладость вѣчной жизни и небснаго блаженства. За гробомъ, по ту сторону жизни, на мѣстѣ тяжкаго осужденія и мучительнаго наказанія, сколько,—по увѣренію Святыхъ Божіихъ,—горькихъ слезъ, сколько убійственныхъ стенаній и рыданій,—и все о томъ, что тамъ для всѣхъ, при жизни нераскаянныхъ, грѣшниковъ нѣтъ болѣе времени, а слѣдовательно не представляется уже для нихъ болѣе и возможности поправить свое злосчастное состояніе, избѣжать горькой и мучительной доли. На небѣ, въ блаженномъ сонмѣ Святыхъ Божіихъ, не видно слезъ, не замѣтно жалобныхъ воплей и стенаній: но если-бы только блаженные праведники могли плакать, то, безъ сомнѣнія, всѣ они плакали бы и рыдали единственно о томъ, что въ мірѣ семъ, во временной жизни, потеряли и опустили они много драгоцѣннаго времени, что при болѣе расчетливомъ, при болѣе бережливомъ и благоразумномъ употребленіи сего сокровища, они могли-бы достигнуть высшаго совершенства, большаго прославленія и наслажденія; теперь желали бы они вознаградить опущенное, пополнить недостающее, для большаго и высшаго наслажденія въ царствѣ славы: но, не имѣя болѣе времени, ничего лучшаго не могутъ уже сдѣлать для блага своего. Братіе—христіане! возблагодаримъ искренно милосердаго Господа Бога за то, что Онъ, всеблагій, даетъ намъ еще время оплакать грѣхи наши и всѣ, совершенныя нами, оскорбленія святѣйшей воли Его искупить пламенною любовію ко

Христу Спасителю, строгимъ исполненіемъ святѣйшаго закона Его!

Распоряжаясь временемъ бережливо и благоразумно, дорожа каждою минутою его, посвящая его всецѣло на развитіе душевныхъ силъ и способностей, на благоугожденіе Богу и на спасеніе души своей, мы дѣйствительно идемъ въ жизни прямымъ, царскимъ путемъ, достигаемъ, возможнаго для насъ на землѣ, счастья и спокойствія въ настоящей жизни и готовимъ себѣ отраду и блаженство въ будущей: видите, какъ важно и какъ драгоцѣнно для насъ, во всѣхъ отношеніяхъ, время! Между тѣмъ—вспомните, бр., о себѣ и о своей дѣятельности на поприщѣ міра сего, присмотритесь къ дѣйствіямъ другихъ людей и скажите: злоупотребляетъ-ли въ жизни человѣкъ чѣмъ инымъ столько легкомысленно, такъ безбоязненно, какъ временемъ? Оказываетъ-ли онъ въ мірѣ семъ къ чему-нибудь другому столько убійственнаго пренебреженія, столько холоднаго и равнодушнаго невниманія и неуваженія, какъ ко времени? Да, со многими грѣхами человѣкъ свыкся въ жизни, ко многимъ преступленіямъ получилъ несчастный навѣкъ и, по легкомыслію своему, считаетъ ихъ обыкновенными и естественными слабостями природы своей: но грѣхъ противъ времени, грѣхъ злоупотребленія симъ высокимъ даромъ Божиимъ, дѣйствительно, сдѣлался такъ частымъ, такъ обыкновеннымъ въ нашей грѣховной жизни, что мы вовсе не обращаемъ даже и вниманія на него. Часто, безъ всякой пользы для ума и для сердца, не дорожа временемъ, мы ходимъ и гуляемъ, предаемся излишнему сну и неблагоприятному отдыху, убійственной лѣности и совершенному бездѣйствію, занимаемся пустословіемъ и пересудами, даже всячески ищемъ случаевъ и способовъ убить время и вовсе не стыдимся, выражаясь въ подобныхъ случаяхъ, точно, такимъ образомъ. По всему видно, что мы

совершенно не дорожимъ временемъ, не цѣнимъ, ни во что ставимъ, это высочайшее сокровище нашей жизни! Ахъ! какъ пагубно для насъ это жалкое ослѣпленіе наше; какъ убійственно для души нашей это, достойное горькихъ слезъ и вѣчнаго стenanія, неразуміе наше! При смерти, на послѣднемъ крайнемъ предѣлѣ настоящей жизни, всѣ мы невольно опомнимся, глубоко почувствуемъ всю ошибку свою, вполне поймемъ всю цѣну, всю важность времени, возжелаемъ имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько часовъ и даже нѣсколько минутъ: но нерасчетливо и неразумно убиваемое нами при жизни время при смерти явится для насъ, точно, убитымъ и всецѣло потеряннымъ: при всемъ пламенномъ желаніи мы не воспользуемся уже и секундою его во благо душъ нашихъ. Все прошло невозвратно, все погибло для насъ на вѣки вѣчные, — и причиною сему мы сами, наше собственное неразуміе! О, какъ тяжело и какъ горько восплачемся и возрыдаемъ тогда мы: но все это будетъ уже поздно и напрасно!

Ходите, говоритъ Спаситель Иисусъ Христосъ всѣмъ вѣрующимъ, *ходите, дондеже свѣтъ имате* (Іоан. 12, 35.); блюдите время и дорожите имъ, живите въ мірѣ и дѣйствуйте такъ, чтобы каждая минута времени служила во благо душъ нашихъ, трудитесь и исполняйте волю Отца небеснаго, *дондеже день есть: придетъ ночь, егда никто же можетъ дѣлати* (Іоан. 9, 4.). Время смерти есть время мрачной ночи, когда ничего нельзя видѣть и ничего нельзя болѣе дѣлать. Быть можетъ, если не для всѣхъ, то для многихъ изъ насъ скоро исчезнетъ и померкнетъ свѣтъ, скоро пройдетъ и сокроется день жизни и настанетъ тяжкая и ужасная ночь, когда, при всемъ желаніи, мы не будемъ имѣть въ своей власти ни минуты времени для покаянія и очищенія своей совѣсти, для исправленія и улучшенія своей жизни. Заключенные во тьму кромѣшную, среди тяжкаго

мрака и ужаса, въ томленіи сердца и сокрушеніи духа, вспомнимъ тогда, что *пройде жатва, мимоиде тто, а мы, однакожъ, нѣсмы спасени.* (Иерем. 8, 20.).

Братіе—христіане! Въ церкви христіанской были случаи, что грѣшники, *въ сластяхъ и въ похотяхъ плоти ижедившіе*, потерявшіе все время своей жизни, мгновенно, въ нѣсколько минутъ очищали и освящали свои грѣховныя души, нѣсколькими сердечными молитвенными словами и глубокими воздыханіями оправдывались и спасались о Христвѣ Іисусѣ: но это только—чудеса милосердія Божія, особенныя дѣла безпредѣльной любви и благодати Господней; общее же правило христіанской жизни для всѣхъ насъ то, чтобы мы *непрестанно молились*, чтобы ежеминутно стояли на стражѣ благоугожденія Господу Богу и спасенія души своей. А потому настроимъ и поведемъ, бр., дѣло такъ, чтобы ни одинъ часъ въ нашей жизни не терялся безъ дѣла, ни одна минута не пропадала даромъ; будемъ беречь время, какъ сокровище, будемъ дорожить имъ, какъ особеннымъ благомъ, такъ какъ что поѣдемъ во времени, то только и пожнемъ въ вѣчности; что сдѣлаемъ хорошаго въ настоящей жизни, тѣмъ только и будемъ жить за гробомъ. Аминь.

ОЧЕРКИ СЛАВЯНСКОЙ МИФЛОГИИ ВЪ СВЯЗИ СЪ СЛАВЯНСКИМИ ПРАЗДНИКАМИ. (*)

(Продолженіе).

Низводя дождь на землю, Перунъ вступаетъ въ бракъ съ богиней весенняго плодородія—громницей. Богица эта у Славянъ носила имена: Прии, Сивы, Живы. Въ зимнее время злая старуха (зима) отрѣзываетъ у ней золотую косу—мол-

(*) См. Епарх. Вѣд. № 19 и 21.

ни и разлучаетъ ее съ возлюбленнымъ. Съ появленіемъ бога громовника, она носится надъ землею и сыплетъ на землю свои дары: поить ее своей росой и возвращаетъ жатвы и отъ нея зависать благодѣтельные роды земли. Самое названіе ея указываетъ на ея свѣтлое значеніе: малор. *сивый* означаетъ бѣлый, сѣдой, а первоначально *сивъ* означало—сіяющій, что удержалось еще въ загадкѣ о мѣсяцѣ: «сивый (свѣтлый) жеребецъ черезъ прясло глядитъ». Славянская Сива соотвѣтствуетъ Венерѣ и Фреѣ—богинямъ плодородія, которымъ праздновали въ пятницу. Въ пятницу же праздновали и славянской богинѣ, какъ это видно изъ того, что у краинцевъ пятница называется *Sibne dan*, т. е. день Сивы. Этимъ объясняется и то благоговѣйное значеніе, которымъ пользуется пятница въ простомъ народѣ, особенно у женщинъ. Съ принятіемъ христіанства образъ богини Сивы былъ перенесенъ на Пречистую Богородицу и на Св. Параскеву, въ житіи которой говорится, что она особенно постилась въ пятницу и церкви, посвященныя во имя ея, до сихъ поръ называются иногда пятницуцами. Такъ какъ на Богородицу и Св. Параскеву былъ перенесенъ образъ Сивы, то имъ было приписано покровительство бракамъ, какъ покровительствовала имъ Сива. На Покровъ Святой Богородицы, дѣвушки, желающія выйти за мужъ, обращаются съ молитвой къ Пятницѣ: «матушка Пятница! *Покрой* меня скорѣе», «Святая Покривонько, покрій мені голівоньку: не стѣнжкою, не квіткою, а честною наміткою. Охъ, Св. Параскевія, дай жениха поскоріа». Святой Пятницѣ приписывается вліяніе и вообще на земной урожай и къ ней обращаются съ такою молитвою: «Пятница Параскева матушка! Помози рабамъ божіимъ (такимъ-то) безъ скорби и болѣзни окончить жатву; будь имъ заступница отъ колдуна и колдуницы, еретика и еретицы» ¹⁾. Съ

¹⁾ Афанасьевъ. П. В. С. т. I, стр. 240.

большей опредѣленностію это превращеніе богини громовницы въ Пречистую Богородицу видно у южныхъ славянъ. По сербскимъ пѣснямъ, при раздѣлѣ вселенной Святой Николай «взялъ грома небеснаго, а Маруія муню и стріелу». Вслѣдствіе этого праздникъ Срѣтенія Пресв. Богородицы (2 февраля) у чеховъ (и поляковъ) извѣстенъ надъ именемъ *Prømnice*, а жмудь называетъ Богородицу *Percunates* или *Percunija* (женское имя отъ Перкунъ=Перунъ). Въ Виленской губерніи въ Срѣтеніе прихожане стоятъ со свѣчами и эти свѣчи называются громницами; они хранятся цѣлый годъ и служатъ предохраненіемъ отъ ударовъ молніи. Аналогично съ этимъ у малороссовъ существуетъ повѣріе, что «на Стрѣтення зима з' літомъ повстріаютьця» ¹⁾. Вслѣдствіе отождествленія громницы съ Богородицей у Сербовъ Богородица носитъ имя Огненной Маріи. Въ одной жатвенной пѣснѣ поется: «Хвала Богу, хвала единому! Тамъ гдѣ влахи жнуть въ воскресенье, надъ ними вьются три облака: одинъ облакъ громовникъ Илья, другой облакъ—Огненна Марія, третій облакъ—Св. Пантелей (какъ видно далѣе, замѣнившій Стрибога). Говоритъ Св. Пантелей: «ударь громомъ громовникъ Илья, ударь огнемъ Огненна Марія, а я ударю вѣтромъ Св. Пантелей». Отвѣчаетъ Огненна Марія: «не рази громомъ громовникъ Илья, не рази вѣтромъ Св. Пантелей, не ударю огнемъ Огненна Марія: турки не вѣруютъ влахамъ, а зрѣлая пшеница не ждетъ». Въ другой пѣснѣ разсказывается, что молнія и громъ играютъ въ мячъ золотыми плодами и обыграла *Огняна Перуна* на нѣсколько золотыхъ яблоковъ и помиранцевъ—²⁾ поэтическое олицетвореніе весенней грозы. У Сербовъ удержалось и древнее названіе богини громовницы, или, точнѣе, богини молніи: они называютъ молнію *сивой*: «сива муня»

¹⁾ Нопис. 12.

²⁾ Р. Бесѣда 1872 годъ. Статя Квашина Самарина стр. 237.

и, какъ будетъ показано далѣе, называютъ Богородицу—коледу сивой голубицей.

Плодомъ Перуна и Громницы (молніи, коледы) является Дажь богъ. Слово *Дажь* есть прилагательное отъ дагъ (готск. dags, нѣм. tag) день, свѣтъ, которое родственно съ санскр. dah—жечь, лит. degu—горю. Какъ божество свѣта, возбуждающее жизнь природы, Дажь богъ—солнце пользовался особеннымъ почтеніемъ и ему преимущественно славянинъ возсылалъ свои молитвы ¹⁾.

Видя неизмѣнно повторяющіяся явленія природы, замѣтивъ, что свѣтлое начало всегда одерживаетъ верхъ надъ темнымъ, что оно только временно можетъ быть побѣждено, человѣкъ создалъ и послѣдовательный культъ божеству. Онъ желалъ заявить свѣтлому началу свое сочувствіе, благодарность и создалъ въ честь его различныя пѣсни, обряды и праздники, назначеніемъ которыхъ было—выразить его радость и молитву. Время совершенія этихъ обрядовъ и установленія праздниковъ совпадало съ тѣмъ, или другимъ состояніемъ солнца — Дажьбога, котораго преимущественно чествовалъ славянскій міръ. Эти-то обряды и пѣсни, въ которыхъ выражаются миѣческія вѣрованія славянъ, и составляютъ первоначальныя созданія народной славянской фантазіи.

Первый славянскій праздникъ былъ коляды.—12 декабря, въ день Спиридона, начинается солоноротъ: дни начинаютъ

¹⁾ Афанасьевъ считаетъ Дажьбога сномъ Сварога и основывается на извѣстномъ мѣстѣ Ипатіевской лѣтописи, указанномъ Шафарикомъ, который держался того-же мнѣнія. Но противъ этого говоритъ во 1-хъ, то, что въ Ипатіевской лѣтописи, собственно говоря, дѣло идетъ не о Сварогѣ, а о Перунѣ, потому что Сварогъ отождествляется съ Гефестомъ—громовникомъ; во 2-хъ, ни въ одной миѣологии солнце не стоитъ на равнѣ съ стихійными божествами, которыхъ обыкновенно три и ни какъ не болѣе четырехъ; тоже и у насъ: въ заговорѣ *мш* читаемъ: царь водяной, царь землеюй, царь небесный (четвертый позабытъ). Эти царь—дѣти неба—Сварога и солнце не имѣетъ съ ними никакого сходства; въ 3-хъ, изъ нашихъ колядскихъ пѣсень видно, что мать солнца Дажьбога была Огненна Марія, а Огненна Марія тоже, что громовница, Сифа—жена Перуна.

прибывать и царство Сативрата, или Корочуна, кончается. Отъ 24 декабря до Крещенія наступаютъ дни, которые Болгаре называютъ нечистыми днями, или погаными. Эти-же вечера называются у Румыновъ «волчьими вечерами» и корочуновыми. Всѣ эти названія имѣютъ тотъ смыслъ, что въ это время царство Корочуна, или Сативрата, достигаетъ своего полного могущества и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ падать. Мрачный Сативратъ, подобно греческому Крону, долженъ уступить свою власть поворождающемуся божичу. Онъ предвидитъ свою гибель и хочетъ погубить рождающагося божича при самомъ рожденіи. Но его мать—Коледа, богиня весенняго плодородія (въ которой, какъ мы выше показали, олицетворена молнія) обращается въ козу и хочетъ скрыться. За ней гонятся волки и волчята (въ которыхъ, какъ мы также видѣли олицетворены вьюга и мятель); козѣ не страшны эти непріатели, а страшень особенно сивобородый дѣдь (Карачунъ—властитель зимы). Мудрая коза прячется въ ивняки (на метафорическомъ языкѣ лѣсъ обозначаетъ небесныя тучи; такимъ-объ разомъ коза молнія прячется въ тучи) и раждаетъ божича. Этотъ смыслъ праздника особенно хорошо сохранился въ одной Пинской колядкѣ, которая можетъ считаться самой древней:

Ого-го козынька

Ого-го бѣла

Ого-го сѣра!

Куда коза ступаю

Тамъ жито купаю,

Куда коза рогомъ,

Тамъ жито стогомъ,

А гдѣ коза ходить,

Тамъ жито родить,

Выскочилъ волчокъ,

Козу за бочокъ,

А волченята за козенята.
Мудрая козынька догадалась
Въ лозахъ сховалась.
Не боюсь я въ полѣ ловца,
Ни въ лѣсѣ стрѣльца,
Только боюсь стараго дѣда
Сиво-бородаго
Съ тугимъ лукомъ:
Онъ меня ранитъ
Съ тугого лучка
Съ правого плечка.

Наши предки думали, что солнце, которое они представляли въ видѣ прекрасной царевны, или добраго молодца, — запыленное въ продолженіе своего дневнаго шествія земнымъ прахомъ и утомленное, опускается вечеромъ въ море, которое представляется его матерью; море — мать (у литовцевъ жена Перуна) купаетъ его и оно на утро выходитъ чистымъ (отсюда малороссійская поговорка: «солнце ся въ морѣ купает»), чтобы пробудить жизнь на землѣ послѣ ночи. Это-же самое представленіе перенесено было и на весеннее появленіе солнца: оно купается въ молокѣ небесныхъ коровъ — въ ключахъ дождевой воды. Очень естественно, что это древнее представленіе о солнцѣ выразилось въ колядкахъ. Въ Сербской колядкѣ выражается желаніе — имѣть дойныхъ коровъ ¹⁾, да надоятъ полное ведро молока:

Да окупомъ, коledo!
Малог Бога, коledo!
и божича, коledo.

Въ Малорусской колядкѣ поется:

Божья мати въ полозѣ лежитъ,
Въ полозѣ лежитъ, сынойка родить;
Сына вродила, въ морѣ скупала.

¹⁾ Коровы на метафорическомъ языкѣ означаютъ тучи.

Въ Болгарской же колядѣ мать купаетъ новорожденного божича въ золотыхъ котлахъ.

Съ принятиемъ христіанства коледки необходимо должны были подвергнуться его вліянію. Къ этому подавала поводъ и самая одновременность празднованія Рождества и праздника Коляды, а съ другой стороны внѣшнее сходство содержанія. Мы, дѣйствительно, и встрѣчаемъ въ колядкахъ христіанскія черты, которыя идутъ параллельно съ миѣческими ¹⁾. Такъ въ одной коледѣ Богородица родить (по другой коледѣ обмываетъ свои ризы) и повиваетъ качаетъ своего сына на рѣкѣ Иорданѣ; въ Моравской колядѣ Дѣва омываетъ своего младенца и кладетъ въ ясли, при чемъ раскрываются двери храма, зажигаются свѣчи и самъ Христосъ служить обѣдню. Наконецъ въ одной коледѣ рожденіе Божественнаго Младенца представляется уже въ совершенно чистой обстановкѣ христіанской ²⁾. Нельзя опустить безъ вниманія еще одной коледки, въ которой рожденіе Божьяго дитяти происходитъ на небесахъ:

На оной горѣ, оной высокой,
Въ раю! Въ раю Ангелы грають!
Тамъ же ми стоять два явороньки,
На яворонькахъ суть ретѣжоньки,
На ретѣжонькахъ колысанонька,
Въ колысанонцѣ Божее дитя,
Колысала го Божая мати:
Уколысала, твердо уснула:
Прилетѣли къ ней вѣрлове птаси,
Взяли дитятко ажъ на небеси.
Божая Мати пробудилася,
Пробудилася, зажурилася,
Пришли до нея та два Ангелы:

¹⁾ Чт. Ист. Общ. 1871 г. кн. 4, колядка 31.

²⁾ Ibid. колядка 30.

«Божая Мати, та не журися,
Та не журися, барзь потѣшайне,
Твое дѣтятко южь на небесахъ,
Южь наша душка у Бога служка»¹⁾.

При этихъ позднѣйшихъ вставкахъ, подь вліяніемъ христіанства, все таки не трудно разгадать миѣческую подкладку означенныхъ коледокъ. Такъ прилетаніе двухъ Ангеловъ и вознесеніе младенца на небо, а также служеніе Христомъ обѣдни непосредственно послѣ рожденія, не имѣють для себя никакихъ основаній не только въ православной, но даже во апокрифической литературѣ и стало быть Христомъ замѣнили здѣсь другое существо—миѣческое—солнце; при этомъ, конечно, и собственные имена Иорданъ, Дѣва Марія поставлены также послѣ: Марія, которая рождаеть младенца при ключевой водѣ у Сербовъ, какъ мы видѣли, называется Огненной Маріей, Громницей, Перкуньей, которая и есть мать Дажьбога. Что касается до двухъ Ангеловъ, упоминаемыхъ въ коледѣхъ, то присутствіе ихъ можно объяснить слѣдующимъ образомъ: существовало древнее миѣческое представленіе, что на океанѣ есть двѣ птицы, которыя разносятъ солнечные лучи,—одна утреннія, другая вечернія; этихъ-то птицъ и можно разумѣть подь двумя ангелами, возносящими Христа—солнце, т. е. возносящими на небо его весенніе лучи.

Рожденіе молодого божича праздновалось Славянами жертвоприношеніемъ и пѣснями. Обстановка этого празднованія видна изъ слѣдующей колядки:

Уродилась Коледа (т. е. уродила)

На канунѣ Рождества.

За рѣкою за быстрою

Лѣса стоятъ дремучіе,

---

¹⁾ Ibid. 28.

Въ лѣсахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоятъ,
 Скамьи стоятъ дубовыя
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы;
 Добры молодцы, красны дѣвицы,
 Поютъ пѣсни колѣдушкѣ.
 Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
 Онъ точитъ свой булатный ножъ,
 Котель кипитъ кипучій,
 Возлѣ котла козель стоитъ,
 Хотятъ козла зарѣзати.

Козель былъ жертвеннымъ животнымъ именно богу громовнику и у другихъ народовъ. Причина этого посвященія заключается въ томъ, что козель имѣлъ отношеніе къ богу громовнику: такъ Германскому Тору, который соотвѣтствуетъ Славянскому Перуну, онъ замѣнялъ коня. А животныя, имѣвшія какое бы то ни было отношеніе къ божеству, приносились ему и въ жертву. Кромѣ козла въ жертву приносилась еще свинья.

Дѣдко свинущку убилъ,
 Дѣдко бѣленькую
 Свинку пѣгенькую.
 Ай да божья Коляда
 Лети шибче съ висока,
 Да морозомъ не тряси,
 Басловье (благословенье) намъ неси.

Эта пѣсня поется хозяйкой дома и ея помощницами, когда они начинаютъ колбасы, — которыя еще до сихъ поръ служатъ непремѣнной принадлежностью Рождественскаго праздника. Кровью убитаго кабана брызгали огонь, въ которомъ палили тушу, думая, что нечистая сила перестанетъ вслѣдствіе этого ходить по хлѣвамъ и портить скотину. Приготовленнымъ мясомъ одѣляли коледовщиковъ, которые просили именно свинины. Въ настоящее время значеніе этого обряда потеряно для народа, но въ прежнее время коледовщики просили свинины именно для жертвы Колядѣ.

Но колядки относятся не къ одному солнцу. Въ одной колядкѣ поется, что на дворѣ у хозяина три гостя: свѣтлое солнышко, ясенъ мѣсячокъ, а третій дробеньъ дождичекъ и каждый изъ гостей говорить про тѣ дары, которые онъ дарить людямъ: солнышко говорить, что оно важнѣе другихъ гостей, потому что освѣщаетъ горы и долины; мѣсяцъ—освѣщаетъ темну ноченьку и заставляеть радоваться путешественниковъ; а дождичекъ—какъ перейдетъ три раза на яръ—возрадуются жита, пшеница и вся ярица. Въ другой колядкѣ—коляда, которую ищутъ, находится на господиновомъ дворѣ, который стоитъ на семи верстахъ, на осмидесяти столбахъ, около двора желѣзный тынъ, на всякой тычинѣ по маковкѣ, на всякой маковкѣ по крестикъ, на всякомъ крестикѣ по жемчужку. Въ серединѣ двора три терема золотыхъ верховаты.... въ первомъ теремѣ красное солнышко, въ другомъ свѣтель мѣсяцъ, въ третьемъ часты звѣзды. Въ этихъ колядкахъ солнце окружается и другими свѣтилами небесными и такимъ образомъ коляда есть празднованіе возвращенія на лѣтній путь всѣхъ свѣтилъ. Въ другихъ колядкахъ изображаются и тѣ благотворныя дѣйствія, которыя ведутъ за собою лѣтнія явленія природы: солнце и его слуги берутся «разморозити горы, долины и верховины, глубоки поточейки и быстры рѣчейки; дождичекъ сее бере зазеленити горы, долины и верховины, Добрый молодець (лѣтнее начало) трубить въ трубы и весь міръ радуется ¹⁾).

Рядомъ съ коледой, упоминаемой въ мифическихъ пѣсняхъ, стоитъ имя Усенъ, иначе Овсенъ, Авсенъ, Таусенъ. Объ этомъ Усенѣ, который въ пѣснѣ является добрымъ молодецомъ, поется, что онъ выѣзжаетъ на свиньѣ:

¹⁾ Въ другихъ редакціяхъ одна личность добраго молодца, который трубить въ три трубы, переходитъ въ три или въ трехъ овчарей, или въ христіанскія лица—Святаго Дмитрія, Николу и Юрія—Ильи—Перуна и когда послѣдній трубить, то всѣ верха зеленѣютъ. Чт. Ист. Общ. 1872 г. кн. 1. Головацкаго колядки № 2.

На чемъ ему пахати?

На сивинькой свинкѣ

Чѣмъ погоняти?

Живымъ поросенкомъ.

Афанасьевъ производитъ названіе Усень отъ санскр. корня ushas — зря, usga (въ Ведахъ) утро, лит. ausga утренняя зря, герм. Остара — богиня зари, отъ чего въ старинныхъ памятникахъ называется Остарой и Пасха. Другіе производятъ это названіе отъ слова овесъ, которымъ мальчики, ходящіе съ овсеновыми пѣснями, сыплютъ. Третьи производятъ его отъ того-же корня, отъ котораго происходитъ и слово Осеня. Намъ кажутся всѣ эти объясненія не совсемъ вѣрными, по крайней мѣрѣ можно предложить другое объясненіе, которое мы хотя и не выдаемъ за абсолютно вѣрное, но которое имѣетъ за себя то, что оно согласно со смысломъ праздника и съ мифическими образами и обычаями, сопровождающими праздникъ Овсеня. — Овсень въ нашей пѣснѣ становится въ связь съ свинькой, съ поросенкомъ; содержаніе ея сходно съ Германскимъ мифомъ, по которому богъ солнца Фрейръ, въ періодъ зимняго солонворота, выѣзжаетъ на небо на золотоштитномъ боровѣ. Такимъ образомъ Овсень сближается съ богомъ солнца. Но не забудемъ, что въ мифологіи нѣтъ строго распределенныхъ образовъ: одинъ и тотъ-же образъ можетъ двоиться, троиться и т. д. на самостоятельные образы; то, что прежде было только орудіемъ, можетъ выработаться въ самостоятельный образъ и, наоборотъ, то, что является орудіемъ для героя, въ началѣ могло быть образомъ самого героя. Такъ и въ данномъ случаѣ. Фрейръ, или Овсень ѣдетъ на свинкѣ, но первоначально самое солнце могло олицетворяться въ образѣ свинки, борова. Что это было дѣйствительно такъ, т. е. что солнце представлялось въ образѣ борова, довазательствомъ служатъ повѣрья и поговорки. — Въ Германіи существуетъ повѣрье — кто воздержится наканунѣ Рождества отъ пищи до поздняго вечера, тотъ

увидить *золотаго поросенка*; въ Швабіи на канунъ Рождества усматриваютъ на небѣ золотаго поросенка; у Сербовъ поросенокъ, приготовляемый къ празднику, называется *божура*, *божурица*; существуетъ поговорка: «и свиньямъ въ году бываетъ праздникъ»; наконецъ въ сказкахъ солнце олицетворяется въ свинкѣ, золотой щетинкѣ. По свидѣтельству Дотмара у Славянъ въ Ретрѣ существовалъ храмъ, посвященный Сварожицу; одни изъ трехъ вѣровъ храма вели къ морю и когда городу угрожало какое нибудь несчастье, то изъ моря показывался боровъ (покровитель города=Сварожичъ), сверкая своими бѣлыми клыками.—Во всѣхъ этихъ случаяхъ образъ борова сливается съ солнцемъ—Дажьбогомъ. Не указываетъ ли самое имя Осень, Усень, на тожь-же самый образъ? Отъ санскр. корня *Su* раждать, производить—происходить *Sa-gita*—производитель—Солнце; но отъ того-же корня происходятъ *Sû*, *Swîr*, греч. *Уs*, лат. *Sus*, др. верхненѣм. *Sû*=Schwein и рус. свинья, какъ животное необыкновенно плодовитое, чѣмъ и объясняется связь названія ея съ корнемъ *Sû*—раждать. Отъ этого-же корня можетъ происходить и названіе Усень: *енз* окончаніе, остается *Ус*=*Su* санскр., посредствомъ перестановки буквъ возможной, какъ показываетъ греч. ея названіе. Такимъ образомъ добрый молодець Усень, который по пѣснѣ выѣзжаетъ на свинкѣ, самымъ названіемъ своимъ указываетъ на солнце, точно также какъ указываетъ на это и свинка—слово, происходящее отъ одного корня.

(Окончаніе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Далматъ.

Редакторы—сотрудники { *А. Ржевскій.*
Я. Степановъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Поученіе о томъ, что временемъ должно пользоваться бережливо и благоразумно. II. Очерки Славянской мифологіи въ связи съ Славянскими праздниками (продолженіе).

Дозволено цензурою. 14-го ноября 1872 года.

Печ. въ Тип. Я. М. Чаусскаго.